

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.2>

Дуйшембиева Ажар Нурдиновна

ПОВЕСТЬ Ч. АЙТМАТОВА "ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!" В ОЦЕНКЕ АМЕРИКАНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ С. СОУЧЕКА, А. КУАЛИНА И Ш. Д. ГРЕХЭМ

В статье раскрывается восприятие повести Чингиза Айтматова "Прощай, Гульсары!" американскими литературоведами С. Соучеком, А. Куалином и Ш. Д. Грехэм. С. Соучек уверен в том, что произведения кыргызского писателя будут восторженно встречены читателями, уставшими от стереотипных персонажей и сюжетов. А. Куалин видит задачу Ч. Айтматова в защите культуры своего народа от различных внутренних проблем государства. Ш. Д. Грехэм отмечает, что использованный Айтматовым в своем произведении метод реализма отличается от реализма XIX века. Труды, близкие в тематическом аспекте с озвученной темой, были написаны двадцать лет назад, и, надо отметить, что они не смогли выйти из-под влияния советской идеологии. Автором проанализированы работы американских ученых, которые ранее не рассматривались.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 13-17. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**“NOMADSHIP” CONCEPT IN SEMANTIC ORGANIZATION OF THE YAKUT NORTHERN TEXT
(BY THE MATERIAL OF A. KRIVOSHAPKIN’S CREATIVE WORK)**

Burtseva Zhanna Valer'evna, Ph. D. in Philology
*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
gvburtseva@mail.ru*

The article is devoted to studying the northern text of Yakut literature, which is considered as cultural and systemic integrity of autonomous texts, the semantic nucleus of which is literature of the indigenous peoples of the North representing most clearly the national worldview of a northern man. The analysis of this super-text's conceptual sphere allows the author to identify the peculiarities of the representation and interpretation of nationally determined images, symbols, themes, motives and problems. The nuclear concept “nomadship” is considered as one of the basic categories to discover northern people's ethnic self-consciousness that necessarily presupposes nomadism.

Key words and phrases: northern text; North image; concept; conceptual sphere; nomadship; nomad; literature of small peoples of the North of Yakutia.

УДК 8; 18:82

Дата поступления рукописи: 23.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.2>

В статье раскрывается восприятие повести Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!» американскими литературоведами С. Соучеком, А. Куалином и Ш. Д. Грехэм. С. Соучек уверен в том, что произведения кыргызского писателя будут восторженно встречены читателями, уставшими от стереотипных персонажей и сюжетов. А. Куалин видит задачу Ч. Айтматова в защите культуры своего народа от различных внутренних проблем государства. Ш. Д. Грехэм отмечает, что использованный Айтматовым в своем произведении метод реализма отличается от реализма XIX века. Труды, близкие в тематическом аспекте с озвученной темой, были написаны двадцать лет назад, и, надо отметить, что они не смогли выйти из-под влияния советской идеологии. Автором проанализированы работы американских ученых, которые ранее не рассматривались.

Ключевые слова и фразы: Ч. Айтматов; С. Соучек; А. Куалин; Ш. Д. Грехэм; американская критика; советская литература; социалистический реализм.

Дуйшембиева Ажар Нурдиновна

*Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек
Кыргызско-Турецкий университет «Манас», г. Бишкек
ajarnuridin@gmail.com*

**ПОВЕСТЬ Ч. АЙТМАТОВА «ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!»
В ОЦЕНКЕ АМЕРИКАНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ С. СОУЧЕКА,
А. КУАЛИНА И Ш. Д. ГРЕХЭМ**

Произведения кыргызского писателя Чингиза Айтматова читают и изучают во многих странах мира, в том числе и в Соединенных Штатах Америки. О прозе Айтматова к настоящему времени в США опубликованы две монографии, написан ряд докторских диссертаций, вышло в свет множество научных статей. Все произведения Ч. Айтматова переведены на английский язык, а в учебных планах некоторых американских университетов можно встретить дисциплины, тематика которых в той или иной степени отражает творчество писателя. Этот факт свидетельствует не только об интересе к произведениям Чингиза Айтматова в Соединенных Штатах Америки как к популярной литературе, но и о научном интересе к творчеству писателя.

С момента выхода в свет повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» внимание читателей было привлечено ее противоречивым содержанием, открытой критикой советского образа жизни, трагизмом, наличием в сюжете фольклорных элементов, что породило в советской литературной среде многочисленные споры, несовпадение мнений. Многие советские литературоведы сделали попытку найти в повести позитивные стороны, доказательства того, что повесть написана в соответствии с требованиями метода социалистического реализма [1-6]. Литературные критики делали акцент на том, что в финале произведения Танабай выразил желание вернуться в ряды партии.

Какими же были взгляды на повесть со стороны западных, точнее говоря, американских литературоведов? Чем же различаются позиции советских и американских ученых в отношении оценки повести «Прощай, Гульсары!»? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к некоторым критическим статьям, посвященным повести «Прощай, Гульсары!».

Одна из оценок данной повести принадлежит профессору Принстонского университета в Америке Свату Соучеку. В своей статье «Национальный колорит и билингвизм в произведении Чингиза Айтматова» [10] он исследует развитие творчества Ч. Айтматова от повести «Джамиля» до драмы «Восхождение на Фудзияму».

По мнению Соучека, причиной такого быстрого восхождения Айтматова на высокую ступень художественного творчества является его обращение к культурной и литературной сокровищнице двух народов, к обоим языкам – кыргызскому и русскому. Он особо отмечает, что творчество Чингиза Айтматова берет свое начало в его сложном, богатом событиями детстве. На творчество же его вдохновили, среди всего прочего, Орхоно-Енисейские письменные памятники и эпос «Манас», отметил ученый.

Изучая в развернутом плане сюжетные линии повести, исследователь останавливается на системе образов, делает попытку раскрытия сложного характера образов Танабая и Гульсары. Развивающийся образ Гульсары он считает «высоким достижением писателя» [Ibidem, p. 80]. Факторами, которые способствовали глубокому раскрытию образа Гульсары, Соучек считает хорошее знание писателем образов, схожих с образом Гульсары, в русской литературе (к примеру, «Холстомер» Л. Толстого), его ветеринарное образование, наделение животного высокими человеческими качествами.

Соучек рассматривает Танабая как человека, наказанного за глубокую преданность коммунистическим идеям о светлом будущем, и личную трагедию Танабая видит в том, что эти идеалы не смогли сохранить свою ценность и обернулись против самого героя. В качестве доказательства этому Соучек приводит эпизод, где Танабай ради дела партии отдает своего старшего брата на раскулачивание, а партия, в свою очередь, отвергает его самого. Хотя Соучек знает, что негативное изображение представителей власти – Сегизбаева, Кашкатаева и Алданова, показ выхода Танабая из партии и потерь колхоза было реалистическим изображением действительности советского времени, он понимает, что такое произведение не могло остаться для советской цензуры незамеченным: «Изображение советского общества в таком плане, несомненно, не соответствует ожидаемой норме: зло не может победить добра, об этом не может быть и речи. Конечно, в финале “Прощай, Гульсары!” есть поворот событий, который спасает героя от полного бессилия, а повесть – от того, чтобы назвать ее нереальной пессимистической картиной общества. Луч надежды появляется уже в тот момент, когда на собрании Танабая исключают из партии...» [Ibidem, p. 79].

Бесспорно, мнение Соучека видеть в комсомольце, молодом Керимбекове этот «луч надежды» оправданно, поскольку именно Керимбеков просит вернуться Танабая в ряды партии. Однако, несмотря на это, «никакая хорошая весть не сможет вновь сделать Танабая счастливым, а в Гульсары вновь возродить иноходца», – считает исследователь [Ibidem].

Соучек высоко оценивает писательское мастерство Ч. Айтматова. В то же время он не забывает, что Айтматов – советский писатель. В таком случае, как получилось, что советский писатель написал произведение, далекое от основного направления советской литературы, произведение, критикующее существующую систему? По мнению Соучека, ответ на этот вопрос следует искать в многогранной индивидуальности писателя и трудностях времени, отраженных в произведении: «На гражданском, политическом уровне он (Айтматов) беспрекословно верит в превосходность политической системы своего государства. А на художественном, литературном уровне он – писатель, который изображает жизнь со всеми ее трудностями, противоречащую простым взглядам самых ранних политических мыслителей. Именно это приведет к тому, что его изумительные, искренние произведения, написанные в таком нетрадиционном ключе, будут встречены читателями, уставшими от стереотипных персонажей и сюжетов, с рукоплесканиями» [Ibidem].

Таким образом, критик отмечает, что Айтматов – прежде всего писатель и человек искусства, который видит свою задачу в том, чтобы изображать действительность в реалистическом плане, какие бы обстоятельства не складывались.

О повести «Прощай, Гульсары!» есть критические замечания и Энтони Куалина, выпускника Вашингтонского университета, который недавно защитил докторскую диссертацию по творчеству Чингиза Айтматова. В своей диссертации «Поиски на перекрестке среднеазиатской, российской и советской культур: проблемы личности в произведениях Тимура Пулатова и Чингиза Айтматова» исследователь ставит задачу изучения факторов, лежащих у истоков творчества названных писателей. Повесть «Прощай, Гульсары!», о которой ведется речь, освещается в главе 3 под названием: «Верблюды и лошади, города и машины: традиции против современности».

В начале главы Куалин, называя повесть «Прощай, Гульсары!» началом нового этапа в писательской карьере Ч. Айтматова, отмечает, что эта повесть, в отличие от предыдущих произведений, написана на русском языке. В то же время Куалин подчеркивает, что такой шаг, с одной стороны, облегчил участь русскоязычных читателей, с другой – в первую очередь, возможно, породил трудности в восприятии повести из-за фольклорных элементов, использованных в произведении. Куалин выступил против комментариев Мозура относительно обеспокоенности Ч. Айтматовым проблемами, отраженными в произведениях «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «Восхождение на Фудзияму», «И дольше века длится день», события в которых переходят границы его страны. Он пишет о том, что прозаик обеспокоен не тем, что в названных выше произведениях он переходит от кыргызских проблем к универсальным, а тем, чтобы защитить культуру своего народа от различных внутренних проблем своего государства.

В качестве доказательства Куалин опирается на колониалистическую теорию, а конкретнее, на теорию ученого Фанона относительно писателя постколониализма. Согласно его теории, на второй стадии своего развития постколониальный писатель вырывает из глубин своей памяти события детства, и таким образом «старые легенды» обретают новое значение. В то же время на этой стадии местный интеллектуал инвентаризует взятые от колониального мира негативные явления и стремится напомнить каждому о старых добрых традициях. Считая теорию Фанона «kozyрной картой», Куалин развивает далее свое суждение и приходит к выводу, что Айтматов, начиная с повести «Прощай, Гульсары!», утверждает, что старые традиции находятся

на гораздо высшей ступени, чем советские и западные инновации. Для подтверждения своего суждения Куалин сравнивает два момента: если в «Первом учителе» юрта является символом закрепощения Алтынай, то в «Прощай, Гульсары!» писатель устами героя передает свои переживания о том, что люди предают забвению ценности прошлого [9, р. 31]. Если в одном случае машина является символом достижений, то в «Прощай, Гульсары!» машина становится «символом всего плохого, что привнесено в Кыргызстан», и не только это, от одного шофера, который встречается Танабаю на его пути, несет «водкой – одной из легко узнаваемых вещей, которая придает России негативный стереотипный характер» [Ibidem, p. 32]. Что же касается Гульсары, отмечает Куалин, то он, как и верблюды или юрты, связан с кыргызской культурой.

В своем исследовании Куалин большое значение придает образу Гульсары. Рассматривая его в единстве с культурой кыргызов, народом, высказывает необходимость прочитывать заковывание его в цепи и кастрацию как «острую критику советской национальной политики». По его мнению, Алданов – человек, далекий от своих корней, забывший о том, кто он. Страдания Гульсары от рук Алданова приводят к осуждению последующих новаций. Хотя после кастрации внешний вид Гульсары остался прежним, его природа изменилась коренным образом, отмечает Куалин, и трудно найти лучший символ, чем кастрированный иноходец, передающий суть «национальной по форме и социалистической по содержанию» культуры [Ibidem, p. 34].

В своем следующем аргументе Куалин говорит о том, что у Айтматова налицо «связь кыргызских национальных традиций с трагедией отдельного человека», и на этом он делает акцент [Ibidem, p. 35].

По его мнению, если в «Прощай, Гульсары!» фольклорные элементы приводят к обобщению страданий Танабая, то в целом произведение должно рассматриваться как плач по кыргызской культуре. Размышления по поводу повести «Прощай, Гульсары!» Куалин заканчивает следующим образом: «Показ Айтматовым результатов деятельности советской власти в Кыргызстане в повести, отвечающей всем формальным требованиям социалистического реализма, ироничен. Он (Айтматов) уничтожающе рассматривает советскую национальную политику: с точки зрения формы, произведение кажется социалистическим, а по содержанию в своем сугубо национальном произведении он делает выпад против нее» [Ibidem, p. 36].

Интерпретация Куалином творчества Ч. Айтматова, как и труды других американских исследователей наследия кыргызского писателя, способствует пониманию сути художественно-эстетических ценностей произведений Ч. Айтматова. Как и все остальные американские исследователи, Куалин многократно останавливается на обстановке в Советском Союзе периода создания этого произведения. Попытка интерпретации исследователем невысказанных вслух писателем мыслей, заключенных «между строчек», акцентирование им внимания на том, что в повести называется «национальным», его обращение к колониальной теории Фанона при исследовании повести зачастую приводит к чрезмерной политизации сюжета, в результате на художественный стиль обращается мало внимания. Все же высказанные Куалином суждения относительно повести «Прощай, Гульсары!» весьма примечательны своей уникальностью и индивидуальностью.

Американская исследовательница Шиила Даффин Грехэм в статье «“Прощай, Гульсары!” Чингиза Айтматова» сравнивает писателя с Нарайяном, Уильямом Фолкнером, Томасом Харди, в творчестве которых получили художественное отображение родные места. Пейзажи, традиции и обычаи, язык, изображенные в произведениях Ч. Айтматова – все это имеет непосредственное отношение к кыргызам, отмечает она. Животный мир, окружающая среда, изображенные в его произведениях, не похожи на подобные явления, которые имеют место в русской литературе Северной России. В качестве примера Шиила Даффин Грехэм со всеми подробностями приводит описание национальной игры аламан байга. Если герои рассуждают о Боге, то у них это – Аллах. Все фольклорные песни и образы присущи Востоку. Из животных, присутствующих в фольклорных сюжетах айтматовских произведений, не медведь и волк, но верблюд и горные козлы.

Грехэм останавливается немного и на методике изучения этого произведения в школе: экзотический фон в нем не требует никаких пояснений, однако даже продвинутым учащимся необходима помощь учителя для выяснения айтматовского отношения к влиянию революции и советизации на кочевую жизнь кыргызского народа. По мнению ученого, следует объяснить, что важной темой произведения является то, что Россия – это не Советский Союз. Если рассматривать его в этом плане, между повестью «Прощай, Гульсары!» и «деревенской» прозой есть нечто общее, считает Грехэм. Возьмем во внимание мнение Грехэм о том, что это «книга, которая описывает сталинскую эпоху, ни разу не называя имени этого “святого монстра”» [8, р. 35].

Танабай, видя, как умирает Гульсары, вновь перебирает в памяти свою жизнь. По наблюдению исследователя, слова потеряли свое могущество на партийных собраниях, вместо дебатов зазвучали лозунги, и в это время честность Танабая встает в конфронтацию с поствоенным сталинизмом.

Осуждая Сегизбаева, Танабай задумывается о себе. Для него было ясно все, кроме одного – то, что партийный карьерист Сегизбаев использует силовую игру и что сам он является просто «пешкой» в этой игре. Шиила Даффин Грехэм отметила, что советский критик Г. Гачев назвал эту повесть самой совестливой книгой последних лет, отказываясь от «критической» оценки произведения. По мнению исследователя, это весьма правильная позиция. Полемичность произведения заключается во мнении Чингиза Айтматова о том, что ничто не должно быть забыто в его споре со сталинистами, которые пытаются стереть отдельные участки национального самосознания, явно и латентно скрыть ошибки прошлого. Ученый считает, что произведения писателя «Материнское поле», «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход» и «И дольше века длится день», в которых поднимается тема самосознания, пропитаны чувством невосстановимого психологического, духовного уничтожения. Отмечая, как Жайдар, жена Танабая, неустанно хлопочет, создавая порядок в юрте, Грехэм считает, что женщины в произведениях Ч. Айтматова – хранительницы традиций. Вероятно, исследователь,

высказывая подобное мнение, не принимает во внимание Джамилу, которая, нарушив все вековые традиции, проявив независимость от людских мнений, ушла вслед за своим счастьем; Сейде, которая в результате психологических переживаний вырвалась из плена национального сознания и стала новым человеком. Известно, что в произведениях Ч. Айтматова женщины являются не только хранительницами обычаев и традиций, но и при необходимости могут стать бесстрашными борцами за новые взгляды.

Гульсары – превосходное существо с обеих сторон: во-первых, до кастрации его человеком – это прекрасный конь; во-вторых, этот литературный образ обладает огромной силой. Грехэм считает, что читатель неизбежно сравнивает его с Холстомером Л. Толстого, однако они отличаются друг от друга: у Толстого это стилизованный прием «отстранения»; философствующий повествователь в лице коня Холстомера рассказывает о себе, своей жизни, таким образом передавая взгляды Толстого на пороки общества. Айтматовский конь – это явление, состоящее из крови и плоти, своего рода, это стрелка компаса, единица измерения (как сын Анны в романе «Анна Каренина»). Читая произведение, читатель верит в то, что у Гульсары на все имеется не человеческая реакция, а реакция животного, что он обладает чувствами и желаниями, болью, присущими только коню. Исследователь справедливо отмечает, что Гульсары, как и Танабай, демонстрирует свои чувства и эмоции. По мнению ученого, «Прощай, Гульсары!» благодаря многогранности художественного содержания является хорошим примером для ознакомления с идеями М. Бахтина. После изучения «голосов» Танабая и Гульсары учитель может переходить к анализу двух авторских голосов: первый голос – описывающий окружающую среду, второй – голос патриота, представителя кыргызского народа, превосходно знающего его культуру.

Если опираться на анализ этого исследователя творчества Ч. Айтматова, авторский метод можно наблюдать в материале, составляющем содержание произведения: применение параллелей, ритма, созданного на основе различной протяженности глав, использование фольклорных поэтических произведений.

Грехэм отмечает преданность Айтматова реализму, и это она демонстрирует эпизодом в повести, изображающим время окота овец. Однако использованный Айтматовым в своем «зрелом» (взято в кавычки автором статьи. – А. Д.) произведении метод реализма отличается и от реализма XIX века, которым он восторгался, и от социалистического реализма, который во многих случаях становился псевдоромантизмом. Грехэм пишет: «Особая природа его (Айтматова. – А. Д.) реализма исходит, как у Гомера, из того, что он с большим жаром описывает объекты повседневного быта и обычаев, превращая их в “поэтические факты”, а также из знания и любви к родной кыргызской фольклорной лирике и эпосу. К примеру, привычные животные превращаются в тотемы и символы» [Ibidem, p. 36].

Айтматов не просто адаптировал фольклорные образы в своих произведениях, он сумел создать свой собственный «бренд» (в кавычки взято автором статьи. – А. Д.) поэтического реализма.

Айтматов, начиная с повести «Прощай, Гульсары!», в последующих произведениях проводит параллели между судьбами героев кыргызских легенд и героев собственных творений.

В чем значение Гульсары, который, начав свой путь, подобно летящей в горах желтой комете, первоначально был видным жеребенком, а затем стал сломленным, вызывающим печаль старым конем? Таким вопросом задается Грехэм. По ее мнению, Гульсары – это не просто параллель с Танабаем или аллегорическая фигура, он – уникальная индивидуальность. Гульсары – лирический центр произведения, героическое явление эпоса и мифа. По убеждению Айтматова, потеря связи с ним опасна для человечества.

Шиила Даффин Грехэм пишет: «Глубокое уважение Чингиза Айтматова к жизни, повествование, богатое событиями, отзывчивые и сильные главные герои, только ему характерный стиль – все это создает условия для того, чтобы отнести “Прощай, Гульсары!” в разряд лучших постсоветских русских произведений» [Ibidem]. Профессор Мичиганского университета Деминг Браун оценил повесть как «особое произведение соцреализма, которое подвергло острой критике колхозную систему, диктаторское, несправедливое решение партией общественных проблем в сталинскую эпоху, а также сумевшее предложить постепенно очищать партию и всю систему» [7, p. 197].

Таким образом, статьи американских ученых свидетельствуют о том, что идейно-художественные особенности повести «Прощай, Гульсары!» вызвали горячий интерес у западных исследователей литературы. Их взгляды во многом существенно отличаются от взглядов советских литературоведов. Возникает убеждение, что это происходит из-за присутствия в них свободы мысли и интереса к национальным меньшинствам советского времени.

Список источников

1. Акматалиев А. А. Избранное. Бишкек: Шам, 1998. 423 с.
2. Асаналиев К. А. Движение во времени. Фрунзе: Кыргызстан, 1978. 275 с.
3. Ибраимов К. И. Миф и миропонимание в гуманистической философии Ч. Айтматова. Бишкек: Кыргызстан, 1998. 108 с.
4. Лайлиева И. Д. Ч. Айтматов и мировой литературный контекст. Бишкек: Илим, 2000. 130 с.
5. Рыскулова Ж. М. Восприятие творчества Чингиза Айтматова в англоязычных странах. Фрунзе: Илим, 1987. 96 с.
6. Укубаева Л. У. Чынгыз Айтматов жана кыргыз адабияты. Бишкек: Турар, 2012. 392 с.
7. Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. L. – N. Y. – Melbourne: Cambridge University Press, 1978. 404 p.
8. Graham Sh. D. Chingiz Aytmatov's Proshchay, Gulsary! // Urbana: Slavic Review Press. 1989. Vol. 4. № 24. P. 34-42.
9. Qualin A. Searching for the Self at the Crossroads of Central Asian, Russian and Soviet Cultures: the Question of Identity in the Works of Timur Pulatov and Chingiz Aitmatov. Seattle: University of Washington Press, 1996. 246 p.
10. Soucek S. National Color and Bilingualism in the Work of Chingiz Aitmatov // Journal of Turkish Studies. 1983. Vol. 5. P. 70-98.

CH. AITMATOV'S STORY "FAREWELL, GULSARY!" IN THE ASSESSMENT OF THE AMERICAN LITERARY CRITICS S. SOUCEK, A. QUALIN AND SH. D. GRAHAM**Duishembieva Azhar Nurdinovna***National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek
Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek
ajarnurdin@gmail.com*

The article reveals the perception of Chingiz Aitmatov's story "Farewell, Gulsary!" by the American literary critics S. Soucek, A. Qualin and Sh. D. Graham. S. Soucek is sure that the Kyrgyz writer's works will be enthusiastically greeted by the readers tired of stereotyped characters and plots. A. Qualin sees Ch. Aitmatov's task in the protection of his people's culture from various internal problems of the state. Sh. D. Graham notes that the method of realism, used by Aitmatov in his work, differs from the realism of the XIX century. The works close in the thematic aspect with the specified subject were written twenty years ago, and it should be noted that they could not get out of Soviet ideology influence. The author analyzes the American literary critics' works, which have not been considered earlier.

Key words and phrases: Ch. Aitmatov; S. Soucek; A. Qualin; Sh. D. Graham; American criticism; Soviet literature; socialist realism.

УДК 8; 18:82

Дата поступления рукописи: 23.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-8-1.3>

Объектом внимания автора являются труды канадского литературоведа Н. Шнайдемана, посвященные творчеству Чингиза Айтматова, – две статьи и две монографии, в которых ученый представил свои научные суждения относительно повести «Прощай, Гюльсары!», романов «И дольше века длится день», «Плаха», а также незаконченных произведений писателя. Проанализированные в статье работы Шнайдемана ранее не изучались. Мнения, высказанные в работах исследователя, в той или иной степени схожи с мнениями советских, а позже кыргызстанских критиков, однако некоторые из них значительно отличаются. По мнению Шнайдемана, причину успеха Ч. Айтматова в Советском Союзе можно объяснить тем, что писатель раскрыл на местном материале универсальные проблемы, а также советскую правду, имеющую отношение ко многим советским нациям.

Ключевые слова и фразы: Ч. Айтматов; Н. Шнайдеман; советская литература; миф; реальность; рецепция.

Дуйшембиева Ажар Нурдиновна*Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек
Кыргызско-Турецкий университет «Манас», г. Бишкек
ajarnurdin@gmail.com***ТВОРЧЕСТВО Ч. АЙТМАТОВА В ОЦЕНКЕ Н. ШНАЙДЕМАНА**

Творчество Чингиза Айтматова вызывает интерес народов всего мира, в том числе и англоязычных читателей. До сегодняшнего дня в англоязычных литературных журналах опубликовано множество статей, посвященных научному исследованию творчества писателя. О восприятии произведений Ч. Айтматова простыми читателями и профессиональными литературными критиками говорилось во многих источниках [1; 2; 9; 10]. Одной из задач настоящей статьи является новое рассмотрение научных работ, посвященных изучению творчества писателя, в другой обстановке, в условиях государственной независимости, вдалеке от политических установок. К сожалению, до настоящего времени из-за того, что труды англоязычных литературоведов не переводились на русский и кыргызский языки, вопрос о том, как был принят Ч. Айтматов в англоязычной среде, как поняли и оценивают его произведения, для кыргызской общественности, кыргызского литературоведения, остается открытым. В то же время без глубокого анализа творчества Ч. Айтматова в контексте мирового литературного процесса и мирового айтматоведения проблему изучения восприятия творчества Ч. Айтматова на научной основе исследовать невозможно.

Большой вклад в дело широкого знакомства англоязычной публики с Айтматовым сделан одним из канадских ученых Норманом Шнайдемманом. Выросший в семье среднего достатка в Вильнюсе, он говорил на идише, русском и немецком дома, на иврите, литовском и польском в школе. Нацистская оккупация города в июне 1941 г. произошла с неизбежной бойней евреев и образованием двух гетто. Оба его родителя погибли, а его единственная сестра была отправлена в лагерь в Латвии (она и Норман воссоединились в Торонто в 1958 году). В течение двух лет, которые Норман провел в гетто, днями он работал, а ночью помогал в снабжении предметов оружия для вооруженного сопротивления. В сентябре 1943 г., когда гетто должно было быть ликвидировано, он и группа других сопротивляющихся бойцов убежали, пробираясь в лес,